

Нея Амос

Йера
для
хищника

18+

Нея Амос

Йера для хищника

«Автор»

2026

Амос Н.

Йера для хищника / Н. Амос — «Автор», 2026

Я мечтала выкупить родительский дом на Земле и спасти зверей. А вместо этого пробила ментальные щиты самого опасного разумного хищника галактики. Он барсиец, глава службы разведки, и теперь он не может без меня. Буквально. Но кто сказал, что я хочу быть хорошей девочкой?

© Амос Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация:	5
Героиня:	6
Герой:	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Нея Амос

Йера для хищника

Аннотация:

Я мечтала выкупить родительский дом на Земле и спасти зверей. А вместо этого пробила ментальные щиты самого опасного разумного хищника галактики. Он барсиец, глава службы разведки, и теперь он не может без меня. Буквально.

Но кто сказал, что я хочу быть хорошей девочкой?

Героиня:

Имя: Софи

Возраст: 25 лет

Профессия: Зоолог, что занимается сохранением вымирающих видов животных

Характер: в меру циничная, прямолинейная. Лучше находит общий язык с животными, чем с представителями разных рас из-за того, что боится навредить своим даром разумным

Сокровище: научилась применять свой ментальный дар ритма для успокоения животных, но мало что о нем знает. Когда ее дар воздействует на разумных существ, она этого очень пугается и решает работать только с животными и минимизировать контакты с разумными.

Недостаток: чрезмерная честность и прямота, не умеет лгать и часто этим обижает окружающих. Часто сравнивает разумных существ с животными из разных планет.

Как расслабляется: грумминг

Цель: найти способ контролировать дар, чтобы вернуться на Землю и выкупить обратно родительский дом, в котором выросла.

Тайна: ее ментальный дар ритма и цена, которую за него приходится платить — использование лишает ее осязания и обоняния и вкусов на несколько часов.

Внутренний конфликт: ей понравилась власть над разумными и она боится, что не сможет остановиться.

Герой:

Имя: Крейн Нейд

Возраст: 32

Раса: барсиец. Гуманоид с мускулистым гладким хвостом

Цвет волос: блондин

Цвет глаз: желтый

Профессия: Глава службы разведки

Характер: Холодный снаружи, горячий внутри. Во всех видит лжецов, преследующих свою выгоду. Разбирает всех разумных созданий на эмоции и видит за этим только тени эволюции выживания. Все объясняет с точки зрения механики выживания вида. За любовью видит инстинкт размножения.

Тратит деньги на новейшие гаджеты и земные орехи.

Сокровище: хороший профайлер, золотые ментальные щиты класса ААА+, которые он сам прокачал

Недостаток: сильнейшие мигрени из-за золотых щитов, которые может убрать только Софи своим даром. Под вечер головная боль такой силы, что он бьет себя кулаком по голове, чтобы как-то заглушить боль

Как расслабляется: смотрит историческое фэнтези. Вся команда всегда знает, когда вышла новая серия — Крейн весь день ходит в хорошем настроении и предвкушает. Когда герои поступают нелогично, он целый день возмущается, рассказывая всей команде почему так не может быть и приводит кучу логических доводов и психологических терминов.

Цель: избавиться от головной боли, потому что к вечеру он готов биться головой о стену.

Тайна: головная боль, о которой он ничего не говорит, потому что будет профнепригоден. После десяти вечера он никогда не показывается команде, если не чрезвычайная ситуация. С любой вечеринки уходит до десяти вечера, потому что его накрывают дикие головные боли, которые заметят.

Глава 1

Софи

Космопорт Фьюри

Я никогда не думала, что буду оценивать барсийца как потенциально опасное животное.

Но вот я здесь — в грузовом отсеке космопорта Фьюри, между разъяренным тартанийским харипсом и не менее разъяренной пятеркой хвостатых, которые перекрывают мне проход к нему.

Харипс орет так, что закладывает уши. Зеленое чешуйчатое тело дрожит, черные прожилки на боках пульсируют в такт преждевременным схваткам. Ему больно, он боится и не понимает, где разродиться в безопасности.

Роды должны были начаться не раньше чем через две недели, когда мы давно достигли бы питомника, но стресс от перелета сделал свое дело.

А ведь я говорила, что нужно лететь без пересадок, но кто бы меня слушал! Начальство вечно думает лишь одной категорией выгоды.

— Урх-х-х! — рычит харипс на барсийцев и бьет костяным шарообразным наростом на кончике хвоста по полу.

Думаю, он чувствует в барсийцах в боевой форме нешуточную угрозу в свой чешуйчатый адрес. Честно говоря, в этом у нас с ним схожие ощущения.

Обходила бы их за сто шагов, как опасных хищников, если бы не необходимость.

Но я должна сделать так, чтобы вымиравший харипс долетел живым, и сохранить детенышей. Даже если придется успокаивать не только его, но и пятерых барсийцев в боевой форме.

— Отойди, — рычит на меня огромный блондин.

Он самый крупный из пятерых, самый светловолосый и самый желтоглазый. Похож на землянина или лагродца, но гораздо крупнее и мощнее.

Видела я таких. Доминантные особи с высоким уровнем тестостерона и полным отсутствием инстинкта самосохранения, когда дело касается защиты территории.

Сейчас его территория — это корабль, под трап которого забралась перевозимая мной самка харипса. Она вырвалась из клетки в поисках спокойного места для родов в самый неудачный момент, который только можно представить.

Как же она перепугалась, бедняжка! Да еще эти барсийцы, похоже, загнали ее и довели до схваток под кораблем.

Ух, так и хочется хвосты им пооткрутить!

В обычной форме у барсийцев их не видно, а сейчас хоть обсмотришься. Вот только редкая демонстрация пятых конечностей мало меня волнует в такой чрезвычайной ситуации. Они вот-вот поранят одного из десяти оставшихся в живых харипсов. Вымиравший вид, между прочим!

Мой внутренний зоолог делает пометки, как действовать с этой воинственной расой:

— не смотреть в глаза;

— не делать резких движений;

— говорить спокойно.

Мне бы уйти в угол, достать щетку для шерсти и вычесать пару лохматиков для душевного равновесия, но сейчас не до ритмичных успокоительных движений.

Буду придерживаться тактики разговора с доминантом.

— Я — зоолог. Этот харипс на моем попечении, и у нее начинаются роды, — говорю я медленно, глядя прямо перед собой — барсийцу на грудь. — Она может быть для вас опасна, а я знаю, что делать.

Не то чтобы сама верила, что харипс может навредить пятерым барсийцам в боевой форме. Скорее они доведут ее до состояния, что она протянет лапки.

Мне нужно, чтобы они отошли, но блондин не двигается. Я чувствую, как он пристально на меня смотрит. А не двигается он — вся команда стоит. Принцип вожака я знаю прекрасно.

Я быстро поднимаю взгляд и вижу, как барсиец медленно моргает, а потом изучает мои волосы, губы, скользит ниже, к шее.

Я тут же опускаю глаза, а мой внутренний зоолог делает вторую пометку: самец мной заинтересован. Вот только непонятно, в каком качестве — добычи или партнера.

— Ты здесь работаешь? — спрашивает он таким низким и манящим голосом, что у меня создается ощущение, будто меня куда-то заманивают.

А сам расправленные плечи расслабляет, немного опускает, а его хвост изгибается змеей.

О, я эту тактику ни с чем не перепутаю. Так самцы показывают самкам, что не опасны.

Но, парень, это сразу мимо! У меня тут подопечная рожает.

Глава 2

Да и хвостатые меня интересуют только как братья наши меньшие, о которых я забочусь и изучаю. Иногда я люблюсь хищниками, но только издалека, потому что не хочу быть съеденной. Барсиец явно второй вариант — держалась бы от него как можно дальше.

Спрашивает меня, работаю ли я здесь. Что за странный вопрос?

Все мои знания общения с доминантными особями летят в черную дыру. В конце концов, он разумный или как?

— А ты здесь пугаешь, пока я работаю? — Я злюсь, что мы напрасно тратим время. — Отойдите. Я серьезно. Если харипс испугается, она может потерять потомство, а это второй детеныш за два года во всей галактике. Вымирающий вид!

Блондин продолжает меня разглядывать.

Четверка за его спиной обменивается взглядами. У всех, кроме блондина, медленно вытягиваются хвосты. Лишь у лидера продолжает качаться маятником мускулистый, покрытый темной гладкой кожей хвост.

Неожиданно харипс рычит, а потом с небывалой прытью заскакивает на ступени трапа и дает деру на корабль барсийцев. По пути он пробивает костяным шаром на хвосте лестницу, делает дыру в стенке трапа и залетает внутрь корабля.

— Нет! — кричу я и бросаюсь за животным.

Когда харипс хочет, он может быть очень быстрым, что сейчас и доказывает. В одно мгновение зеленая чешуя мелькает в проеме корабля, а костяной шар на хвосте исчезает следом.

Совершенно ясно, что самка в жуткой панике. Она ищет тихое темное место, чтобы родить. И почему-то решила, что корабль барсийцев подойдет для этого лучше, чем грузовой отсек космопорта или удобная затемненная клетка, которую я ей приготовила.

Блондин преграждает мне путь перед трапом и отдает команду на своем языке. Четверо его сопровождающих тут же вбегают на корабль.

— Пусти! — Я пытаюсь его обойти и прорваться следом за барсийцами. — Они не знают, что делать.

Он перекрывает мне путь.

— Гражданским нельзя на корабль, — отрезает барсиец, и его хвост изгибается в воздухе. — Ребята разберутся.

Наверное, все эти изгибы хвоста что-то означают, но уже поздно это изучать. Будь то сигнал об опасности или атаке — я должна действовать.

— Знаю я вас. Так разберетесь, что самка и детеныш погибли! — Я кричу ему в лицо, вкладываю в этот крик всю ярость, всю боль за харипса, всю злость на этих хвостатых идиотов.

И тут я чувствую ритм в голове, похожий на сердцебиение испуганного зверя. Он хочет вырваться, умоляет выпустить его и использовать, чтобы добиться своего.

О нет! Только не мой дар. Только не на барсийце!

Но уже поздно — мои эмоции выпускают его на свободу. Волна ритма злости несется к барсийцу, и его не остановить.

Я застываю, глядя, как его глаза меняются. Зрачки расширяются, хвост дергается, а челюсти разжимаются, будто кто-то снял невидимый замок с его челюстных мышц.

Я знаю этот взгляд. Так смотрят разъяренные животные, когда я касаюсь их сознания своим даром.

И что же будет с ним с ритмом злости? Он разорвет меня на части?

Я давно зареклась пробовать свой дар на разумных. И сейчас не воскрешала в голове воспоминание и не запускала волну эмоций в его сознание. Я просто разозлилась сильнее обычного, и дар сработал.

Волна ритма касается барсийца и словно снимает что-то тяжелое, сжимающее, болезненное, потому что его тело начинает расслабляться.

Создатель, нет! Я клялась, что больше никогда не применю свой дар на разумном существе.

И сейчас этот вооруженный от природы разумный смотрит на меня так, будто я только что сломала что-то в его голове.

Что он сделает после этого? Порвет меня на части? Успею ли я послать успокаивающую волну?

Неожиданно его хвост обвивает мою талию, и я вижу по выражению лица барсийца, что он сам удивлен вольности пятой конечности.

Он сражается со злостью ко мне?

Я замираю, судорожно соображая, что же делать. Как-то он не выглядит злым. Скорее настороженным.

Понял, что я сделала?

Мой дар вырвался наружу из-за моей злости. Последний раз, когда я применила его на начальстве на Земле, меня чуть не заперли в лаборатории как подопытную. Я едва смогла отболтаться и запудрить им мозги при помощи своего дара, а потом спешно и навсегда покинула родную планету.

Теперь мой дар прорвался сквозь контроль, и я не знаю, удастся ли мне выйти живой из воды.

Я перехожу на ментальное зрение, и волна мурашек проходит по телу от увиденного. У этого барсийца золотые щиты класса ААА+.

Уму немыслимо, чтобы я смогла через них пробиться!

Глава 3

Крейн

Я, Крейн Нейд, глава службы разведки Барсы, тридцати двух лет от роду, не привык, чтобы мне кричали в лицо.

Особенно женщины ростом мне по грудь.

Особенно когда в голове привычно и выматывающе гудит мигрень — моя плата за золотые щиты. Личная железная клетка, которая давит на мозг. Никому не видимая изматывающая боль от сотни призрачных штырей, которые мучают даже во сне.

Но я уже привык. Я научился с ней жить, работать, командовать. Убивать при необходимости.

Но сейчас...

Она кричит, заглушая даже мигрень. Эта мелкая, кудрявая, невозможно громкая землянка возмущается мне в лицо:

— Знаю я вас! Так разберетесь, что самка и детеныш погибли!

И в ее крике пульсирует не только злость, но и что-то еще. Я не знаю, как это описать. Я, профайлер высшего уровня, разбирающий эмоции на механику выживания, не нахожу слов.

Потому что вместе с ее криком в мою голову приходит спасительная и удивительная тишина. Мигрень исчезает, словно ее и не было.

Полностью.

Впервые за десять лет.

Мои золотые щиты, прокачка которых стоила мне сотни бессонных ночей и потерянных связей, перестают давить.

Я смотрю на девушку сверху вниз и чувствую, как мои зрачки расширяются без моего разрешения.

Это невозможно!

Этого не может быть.

Я проверял — золотые щиты класса AAA+ блокируют любое ментальное вторжение даже лучших псиоников галактики.

А этот зоолог, которая работает с животными, кажется, даже не заметила, что сделала. Или она это нарочно?

Хотя нет. Я вижу, как до нее доходит. Как испуг искажает ее лицо.

Она смотрит на меня так, будто я — опасное животное, внимание которого она привлекла и теперь не знает, что с этим делать.

Мой хвост обвивает ее талию. Я не приказывал ему обвивать ее. Это тело решило за меня, как бывает только при смертельной угрозе.

Странно.

Мой хвост, оружие, которое всегда действует синхронно со мной, поднимает бунт. Или защищает меня?

Я присматриваюсь и анализирую.

Он тянется к землянке, гладкой кожей ищет тепло ее тела. Мой внутренний зверь довольно урчит, а моя рациональная часть, та, что видит за влечением инстинкт размножения, в панике.

Я идеально собой владею. Точнее, владел. До встречи с ней.

Смотрю в ее карие глаза, на изгиб маленького рта. Вглядываюсь в микродвижения мышц лица и не могу ее прочесть. Это как слышать белый шум.

Настоящая загадка.

Я чувствую только этот проклятый ритм, который все еще пульсирует в моей голове, не давая мигрени вернуться.

— Убери, — говорит она тихо.

Явно по поводу моего хвоста.

Я не убираю. Что, если я двинусь и боль вернется? Я хочу еще немного почувствовать, каково это — жить без мигрени.

— Крейн, — представляюсь я, отвлекая ее от моего хвоста. — Крейн Нейд.

Она не представляется в ответ, но я уже знаю, что сделаю при первой возможности. Найду все: каждый сканер, каждую запись, каждое упоминание о ней.

Потому что эта женщина — самая опасная вещь, которую я встретил в своей жизни. Она обладает тем, чего я так хочу.

И мой хвост отказывается ее отпускать.

Глава 4

Я должен расслабить хватку. Должен.

Она гражданская, не моего вида, да еще и может проникнуть через золотые щиты класса AAA+.

Она опасна, но я не хочу, чтобы боль вернулась.

И все же я приказываю хвосту: отпусти.

Кончик бунтовщика дергается, но на этом все. Все, что я чувствую, — это как в основании черепа что-то пульсирует, не давая мигрени вернуться.

— Спокойно, — говорю я.

Голос в боевой форме звучит низко, на грани рыка. Но я не уверен, что это «спокойно» для нее. Скорее для себя.

— Мои ребята не тронут твою... — Я подбираю слова, но решаю говорить проще: — Я не знаю, как называется эта зеленая тварь.

— Она не тварь! — возмущается она, и в ее голосе снова появляется та ярость, которая успокоила мою боль. — Она вымирающий вид! И если твои придурки испугают ее, она раздавит свое яйцо!

Я неимоверным усилием воли разжимаю хватку хвоста, чтобы понять, вернется ли моя плата за верхушку ментальной защиты.

И боль возвращается. Но не такая адская, как была.

Я знаю, что к вечеру буду готов раскроить себе череп, лишь бы это прекратилось. Проверял. Бил головой о стену каюты, пока «Оникс» не запустил аварийную сигнализацию, решив, что напали.

Но сейчас — сейчас она еще терпима. Сейчас я могу держать лицо.

Хвост сам возвращается на место. Обвивает ее талию снова и куда крепче, чем в первый раз. Будто моя пятая конечность знает то, до чего мой разум только доходит: без нее мне больно.

Девушка вздрагивает и возмущенно смотрит на хвост, потом на меня. А я жду, уйдет ли головная боль.

Это было случайное обезболивание? Совпадение? Сможет ли она повторить?

И тут со стороны корабля доносится дикий грохот. Что-то падает. Кто-то ругается на барсийском так крепко, что землянка охает, словно понимает этажность мата.

— Вот видишь! — Она тычет пальцем в сторону «Оникса» и снова пытается вырваться. — Я же говорила! Сейчас случится непоправимое.

— Ты не пойдешь, — отвечаю я и добавляю уже тише: — «Оникс» не пускает женщин.

Она не слышит или не придает значения моему объяснению.

— Они не знают, как обращаться с животными. Там, где можно облегчить, они только усугубят, — говорит она, и в ее голосе звучит максимальная собранность и усталость человека, который привык, что его не слушают.

Профайлер во мне фиксирует, делает пометку — она явно испытывала сильное давление среды.

А еще она постоянно опускает взгляд на мой хвост. И я вижу, что она заставляет себя переключаться на тему животного в моем корабле, а не поползновений моего хвоста.

— Они знают, как обращаться с оружием, — отвечаю я. — Если ящерица нападет...

— Она не нападет, если ее не трогать! — перебивает она.

Снова перебивает, второй раз за десять минут.

Пять лет никто не смел меня перебивать. А эта кудряшка делает это так легко, будто я не глава службы разведки Барсы, а нашкодивший щенок.

— Она просто хочет родить в темном тихом месте! А твои... — она машет рукой в сторону корабля, потом кладет ее на хвост и пытается его от себя отодвинуть, — сейчас загонят ее до смерти!

Я молчу, потому что она права. И это бесит больше всего.

Барсийцы — отличные солдаты, но не ветеринары. Если зверь агрессивен и может повредить оборудование, они сделают то, что умеют лучше всего, — нейтрализуют угрозу.

Но «Оникс»...

Я смотрю на трап. На дыру, которую пробил костяной шар ящерицы.

«Оникс» — особый корабль. Уникальная биомеханика. Единственный в своем роде. И он терпеть не может женщин.

Последний раз, когда барсийская коллега попыталась войти на борт, «Оникс» выпустил в нее ядовитый шип еще до того, как она переступила порог.

Самка уже внутри.

Если «Оникс» воспринял ее как угрозу или как самку, которой не место на борту, то ей не позавидуешь.

Я прислушиваюсь.

Тишина.

Ни рыка, ни криков, ни звуков борьбы.

— Крейн, — неожиданно обращается она ко мне, и я на миг замираю.

Девушка смотрит на меня так, будто я опасное животное, которое она случайно приручила и теперь не знает, что с этим делать.

— Пожалуйста, — продолжает она. — Пожалуйста, пропусти меня, иначе харипс умрет. И ее детеныши тоже.

Она не привыкла просить. Каждое слово дается ей с трудом — напрягаются мышцы челюсти, пальцы сжимаются в кулаки, будто она сдерживает что-то едкое, что вертится на языке.

Но она просит.

Ради этой зеленой ящерицы и нерожденных мелких, которых даже не видела. Ради сохранения вида.

Я смотрю в ее карие глаза и вижу решимость, которой позавидуют некоторые бойцы Барсы.

Делаю глубокий вдох и разжимаю хвост. Смотрю на часы — половина седьмого. До десяти вечера у меня есть три с половиной часа, чтобы закончить с этой зеленой проблемой и убраться в каюту, пока боль не скрутит меня в узел.

Три с половиной часа. Должно хватить.

— Стой здесь, — бросаю землянке. — Я вытащу ее.

«Живой или мертвой», — добавляю про себя. Но вслух не говорю, потому что почему-то не хочу видеть ее лицо, когда она услышит эти слова.

Я разворачиваюсь к трапу. Хвост тянется к землянке, и я сжимаю челюсти до зубовного скрежета.

— Крейн, — вдруг зовет меня она.

Я замираю, но не оборачиваюсь.

— Харипс, — говорит она. — Не ящерица. Харипс. Я зову ее Хари. И она... — она запинается, будто не хочет говорить то, что собирается, — она плохо видит в темноте.

Я киваю и поднимаюсь на корабль.

Глава 5

«Оникс» встречает меня гулом переборок и полутьмой. А это значит только одно: биомеханическая система сбоит. Но почему?

Одно радует в этом: если меня накроет боль так, как бывает ближе к ночи, никто особо не увидит мою перекошенную физиономию.

Однажды я не рассчитал время. Остался на совещании до половины одиннадцатого вечера, а команда потом полдня шепталась: «У Крейна глаз дергался. Он кого-то убьет».

С тех пор я ухожу ровно в десять, даже если рядом взрывается звезда.

Внутри корабля тихо. Слишком тихо.

— Оникс, где команда? — спрашиваю я, проходя по аварийно освещенному коридору.

Корабль молчит несколько секунд, а потом отвечает приятным баритоном:

— В отсеке для оружия. Заблокированы.

— Заблокированы? — переспрашиваю я, останавливаясь. — Ты их запер?

— Они пытались навредить животному. Я не позволил.

Я сворачиваю в боковой отсек и вижу моих ребят за прозрачной стеной. Лица не столько злые, сколько обескураженные. Они тоже не ожидали, что «Оникс» запрет их здесь, как нашкодивших питомцев.

— Корабль сошел с ума! Он заблокировал нас, как только эта тварь...

— Сидите здесь, — командую я. — Я разберусь.

— Но, глава...

— Это приказ.

Они замолкают, но я чувствую их взгляды в спину, когда ухожу.

«Оникс» — биомеханический корабль. Он умен, хитер и опасен. Но он никогда не принимал решений о сохранении жизни на своем борту самостоятельно. Только по моему приказу.

Я отхожу подальше по коридору и обращаюсь к кораблю.

— Оникс, ты пустил самку на борт, — медленно говорю я. — С чего бы это? Или животных ты не против покатасть?

— Она готовится подарить новую жизнь. Это нужно беречь.

В его кодировках такого не закладывалось. Впрочем, «Оникс» не только роботизированный корабль с новейшим программным оборудованием, он питается космическим радиоактивным излучением, минеральными водами и кислыми фруктами. В ответ же у него есть живое нутро, цветущий сад и биологическое оружие, что наводит страх и ужас на врагов.

— Оникс, где харипс?

— У меня.

У меня — это значит в его нутре. В той самой сердцевине корабля, куда он никого не пускает, даже меня. И там сейчас ящерица?

Он что, подхватил какой-то вирус? Иначе я не понимаю, что происходит.

Я иду дальше, пока коридор не сужается и не становится темно настолько, что не видно выставленную вперед руку.

Я знаю, что нутро «Оникса» уже близко. Здесь ноги становятся тяжелыми, а воздух вязким, потому что корабль никого не пускает в теплое и пульсирующее нутро биомеханической машины.

Если харипс забрался туда, достать самку будет невозможно. И мне даже сложно представить, как биомеханический корабль сможет сосуществовать с какой-то ящерицей.

— Оникс, — командую я, — открывай проход к нутру.

Корабль не отвечает. Первый раз на моей памяти. А ведь он даже с пробитыми стенами и приборкой разговаривал со мной.

— Оникс, я приказываю открыть проход к нутру.

И вдруг передо мной вырастает гладкая непроницаемая стена, которой тут никогда не было. Появляется аварийное освещение.

— Не могу, глава, — спокойно отвечает корабль.

Я несколько секунд смотрю на стену, не веря своим глазам. Мало мне головной боли, еще и «Оникс» выкидывает фокусы!

Может, она впрыснула какой-то яд, который повлиял на корабль? Скорее всего!

Легко представить, какой вред она может нанести, если пробудет там еще немного времени. А завтра мы должны быть на Шанти на Песчаном балу и предотвратить готовящееся покушение на генерала Отиса.

— Ты отказываешься слушать приказ? — Мой тон становится ледяным. — Это бунт?

— Ты причинишь ей боль. Я знаю твои мысли. Ты хочешь вытащить ее силой. Тогда самка и два детеныша умрут.

— Это животное, Оникс! — рявкаю я. — Оно повредит твои системы!

— Она уже повредила, и я позволяю ей это.

Боль в голове, которая отступила после крика землянки, начинает вбивать гвозди в мой мозг. Похоже, такими темпами она к ночи раскроит мне череп.

Я хочу пробить эту стену, но «Оникс» невероятно упрям. Он будет возводить стену за стеной, пока кто-то из нас не умрет первым.

Я чуть поворачиваю голову и замечаю боковым зрением движение.

Софи стоит в проходе, подсвеченная тусклым аварийным светом. Целая и невредимая. Немного растрепанная, но именно так она и выглядела при первой встрече некоторое время назад.

Она зашла на борт «Оникса» — корабля, который не пропускал ни одной женщины.

Похоже, ящерица точно повредила ему что-то важное.

Глава 6

Софи

Барсиец уходит, а я чувствую, как онемение колет кончики пальцев.

Начинается! Ненавижу это ощущение.

Эти симптомы знакомы мне до зубовного скрежета. Сначала часть кисти теряет чувствительность, будто я надела плотные резиновые перчатки. Потом легкое покалывание поднимается выше, доходит сначала до запястий, а после до локтей.

Я точно знаю, что дальше перестану чувствовать резкие запахи, такие как кофе или специи, а после исчезнет и вкус еды. Прием пищи будет похож на поедание безвкусной каши.

Иногда я теряю еще и слух, но в редких случаях. Всей душой надеюсь, что это не он.

Вот какова моя цена за использование дара, который я не планировала выпускать наружу. И вот почему я выбрала профессию зоолога. В ней меня окружают животные, которые не расскажут о том, чего мне стоит редкое приручение особо агрессивных видов.

И то свой дар я стараюсь использовать только в случае крайней необходимости. Как раз по причине расплаты.

Я сжимаю и разжимаю кулаки, наблюдая за реакцией тела. Как же не вовремя!

Впереди меня ждет три-четыре часа без осязания, вкусов и запахов, а потом все вернется, будто ничего не бывало.

Но мне так нужны мои чувства именно сейчас, когда Хари внутри барсийского корабля! Мне срочно нужно внутрь, пока я окончательно не перестала чувствовать собственные пальцы.

Харипсу может понадобиться моя помощь, а со стороны корабля слишком тихо. Решено: иду вперед вслед за этим блондином — Крейном.

Его имя запомнилось по привычке. Когда часто общаешься с незнакомыми существами, понимаешь, как важно запомнить, с кем имеешь дело. Особенно когда представители рас на одно лицо.

Чего, конечно, не сказать о барсийцах. Этого Крейна ни с кем не перепутаешь.

Я кладу руку на поручень трапа и едва ощущаю его холод. Приходится надавить, чтобы почувствовать его твердость.

Ох, нервные окончания сегодня особенно быстро выходят из строя. Это из-за того, что я использовала силу на разумном? Или потратила много энергии? Не знаю.

Кто бы мне дал инструкцию по использованию этого дара! Но нет. Они скорее сделают меня подопытной крыской. А этому не бывать.

Я поднимаюсь по трапу и делаю осторожный шаг внутрь корабля. И тут же пол под ногой отзывается дрожью. Или пульсацией? Не пойму.

Я замираю, но больше ничего не происходит. В аварийном свете вижу развилку коридоров и слышу отдаленный голос Крейна. Он требует пустить его куда-то.

Идя на звук, я быстро добираюсь до барсийца. Он говорит с кораблем!

Нет, в том, что голосовые помощники есть в каждом судне, нет сомнений. Не это меня удивило, а то, как барсиец с ним говорит и как тот отвечает. Особенно ЧТО именно отвечает.

Крейн резко оборачивается и видит меня.

— Тебя не должно быть здесь. — Он даже не рычит, а рывкает на меня, при этом лицо абсолютно каменное. — Уходи!

Его хвост за спиной хлестко бьет по стене. Бум!

Я вздрагиваю, а «Оникс» говорит:

— Эй!

Звук такой, будто кто-то ударил мясом по камню.

Хвост бунтует, а сам Крейн выглядит как ледяная скала.

— И все-таки я уже здесь. Дай мне помочь харипсу, и разойдемся, как корабли, в разные стороны галактики.

Я вижу, как уголок губы Крейна саркастически дергается. Внешне весь такой холодный, он не может скрыть характер.

Он смотрит на меня, на стену и снова на меня.

— Прощу. — Движением руки он приглашает меня к стене.

Похоже, корабль забаррикадировался так, что даже Крейн не может заставить его убрать преграду. Мне повезло, что я услышала часть разговора.

Подхожу к стене, кладу руку на поверхность.

— Она теплая, — удивляюсь я.

— «Оникс» — уникальный в своем роде биомеханический корабль, не похожий ни на один другой, — говорит Крейн с гордостью.

Он смотрит на мою руку на стене и тоже прикладывает свою в полуметре, но тут же отдергивает ее.

— Горячо же! — Он смотрит на меня удивленно.

Взгляд ощупывает меня, словно в моей внешности можно найти разгадку. А потом он снова возвращает все свое внимание моей руке и вдруг резко хватает меня за запястье и отрывает меня от стены.

Внутренняя сторона моей ладони красная, как от ожога, а я чувствую лишь тепло.

Вот же черная дыра! Это все откат от использования дара.

Крейн смотрит на мое запястье, которое все еще держит. Потом поднимает взгляд к моему лицу, и я вижу, как желтые глаза сужаются. Он словно ищет на моем лице что-то, чего я не испытываю сейчас, а должна.

Например, боль от ожога.

— Ты не чувствуешь этого. — Он констатирует факт.

Я молча выдерживаю руку. Да твою ж налево!

Крейн чеканит слова на барсийском, и что-то мне подсказывает, что там звучит мало приятно.

— Оникс, лед. Срочно! — обращается он к кораблю.

Наши взгляды встречаются. Он смотрит на меня пристально, сосредоточенно и, кажется, немного зло. Или это настороженность?

Не знаю. Но когда «Оникс» убирает стену и я вижу огромный кусок льда высотой мне по колено, я понимаю: это шанс пробраться к харипсу.

И не теряю ни секунды.

Глава 7

За кубом льда виднеется темный проход. Там, наверное, и прячется харипс, и он очень нуждается в моей помощи.

Я срываюсь с места прежде, чем Крейн успевает что-то сказать. Пробегаю мимо ледяной глыбы, ныряю в темноту и чувствую рядом движение.

Передо мной открывается невероятное пространство. Что-то среднее между джунглями, роботизированным помещением и живыми тканями.

Наверное, здесь и пахнет как-то по-особенному, вот только из-за отката я почти ничего не чувствую.

И тут я замечаю харипса. Самка свернулась на зеленом мху под большими листьями растения. Ее бока ходят ходуном, а костяной шар на хвосте подрагивает.

Наши взгляды встречаются, и я понимаю: она жутко мучается.

— Я тебе сейчас помогу, — говорю я.

Неожиданно знакомый хвост обвивается вокруг талии и дергает меня назад. Я врезаюсь спиной в грудь Крейна, и он приподнимает меня над полом, возвращая к ледяному кубу.

— Ты пропустила лед. — Крейн ставит меня перед ледышкой, от которой идет пар. — Клади руки. Сейчас же.

Хвост сжимает меня крепко, но не больно. Я чувствую его твердое тело своей спиной, и это престранные ощущения. Мне одновременно приятно и хочется отпрыгнуть.

— Пусти! — возмущаюсь я, пытаюсь освободиться. — Харипс не может отложить яйца! Ей нужно помочь.

— Ты обожгла руку, и если сейчас же не приложишь холод к ладоням, то еще очень долго не сможешь ей пользоваться. — Крейн говорит низко и спокойно, будто не слышит меня.

Он обхватывает мои запястья.

— Смотри. — Он разворачивает мои ладони к свету.

Кожа красная и вот-вот вздуется на одной, а вторая выглядит здоровой. На контрасте особенно хорошо виден нанесенный вред. Выглядит ужасно, а я не чувствую ровным счетом ничего.

Крейн наклоняется к кубу, заставляя и мое тело повторить за ним.

Больше не говоря ни слова, он поворачивает мою обожженную руку ладонью вниз и опускает ее на лед. Стоит им соприкоснуться, как от куска замершей воды поднимается пар.

Должно быть, здесь очень жарко и влажно. Я поворачиваю голову и вижу, как у Крейна на лбу выступили капли пота. И мне так странно не ощущать привычный мир всеми органами чувств.

Мне сейчас должно быть холодно ото льда и жарко от атмосферы, но нет. Ничего подобного.

— Сколько мне нужно так продержаться руку? — спрашиваю я.

— Минимум десять минут.

— Хари умрет за это время! — Я в панике смотрю в ту сторону, где видела ее. — Ей нужна помощь. Она не справится сама. Я видела — яйцо застряло!

Если Крейн не отпустит, я ни за что сама не смогу выбраться из его хватки. Он раз в сто сильнее меня!

Крейн смотрит на меня тяжелым взглядом, стоя сбоку. Хвост все еще на моей талии, а в глазах решимость. Я понимаю, что он не отпустит меня туда с такими руками. В его системе ценностей важнее оставить меня с функционирующей рукой, чем спасти «какую-то ящерицу».

— Говори, что делать, — неожиданно говорит он твердым тоном. — Я помогу этой ящерице.

Он не шутит?

Но желтые глаза смотрят абсолютно серьезно, и я вижу, что он готов помочь.

Это же отлично!

В принципе, там нет ничего сложного. Если он будет внимательно слушать меня, то сможет оказать помощь. Вопрос только в том, будет ли.

— Ты должен делать все точно так, как я скажу. Хорошо? — спрашиваю я, стараясь контролировать голос и говорить спокойно.

Будет ли этот барсиец делать так, как я скажу? И подпустит ли харипс его к себе?

— Сделаю, — кивает Крейн.

Я смотрю на свою руку на льду. Пытаюсь двинуть пальцами на здоровой руке, но они почти меня не слушаются.

Да уж. Я тоже тот еще спасатель. Может, даже лучше, если Крейн сможет помочь.

Я смотрю в желтые глаза и говорю:

— Подходи к ней медленно, пригнувшись. Говори тихо и успокаивай. Здесь не столько важны слова, сколько тон. Если морда будет повернута к тебе и приоткрыта, не двигайся. Продолжай уговаривать, пока она не положит голову. И только тогда подойди ближе.

— Что дальше? — Крейн спрашивает так, словно записал на подкорку все предыдущее.

— Тебе нужно найти часть позвоночника между задними лапами и помассировать ее.

Тут брови Крейна поднимаются от удивления. Он явно не занимался раньше подобным и вряд ли захочет.

— Давай лучше я сама. — Я хочу оторвать руки, но он так хмурится, что я оставляю эти попытки.

Крейн отходит от меня на шаг, но хвост-то все еще сжимает мою талию.

— Кхм! — кашляю я, привлекая внимание. — Хвост.

Крейн оборачивается, смотрит на хвост с удивлением и делает обратный шаг ко мне. Глядя мне в глаза упрекающим взглядом, руками отрывает свой хвостень от меня и уходит.

Погоди-ка, я что, виновата, что у него пятая конечность прибабахнутая?

Что это только что было? Впрочем, плевать, что там за проблемы у барсийцев с хвостами.

Крейн идет в темноту. Я остаюсь стоять, вжимая ладонь в лед, и смотрю ему вслед.

Глава 8

Крейн

Нутро «Оникса» просто удивительное. Я пригибаюсь, проходя вперед, потому что свод здесь низкий. Биомеханика корабля не рассчитана на гостей в боевой форме.

Мой хвост волочится по мшистому полу, а на глаза попадаются оголенные микросхемы «Оникса».

Харипс лежит в нескольких шагах от меня, свернувшись кольцом, оберегая собственный раздутый бок. Чешуя мерцает в тусклом биолюминесцентном свете, который источают какие-то грибы на стенах. Костяной шар на хвосте подрагивает от боли.

Я вижу, как мышцы под чешуей волнами сжимаются и разжимаются. Самке больно.

Она поднимает голову и смотрит прямо на меня. Черные глаза с вертикальным зрачком сосредотачиваются на мне, а пасть открывается. Два ряда мелких острых зубов легко могут оставить без пальцев.

Странный протяжный звук вырывается из ее глотки.

— Не делай резких движений, — доносится сзади голос землянки. — Ты сейчас для нее огромный хищник. Кстати, об этом. Ты мог бы убрать хвост?

Мог бы — убрал бы. Сам не пойму, почему я до сих пор застрял в боевой форме.

— Не могу убрать, но могу управлять им. Как ее успокоить?

— Тогда води себя как тот, кто не хочет ее съесть. Опusti хвост так, чтобы он волочился за тобой, а сам ложись на живот.

Я оборачиваюсь:

— Женщина, ты в своем уме?

— Так ты хочешь помочь или нет?

Лечь на живот? Хвостик рядом распластать? А глазками не поморгать? Нет?

Ладно. Время идет, а мне надо вытащить этих самок из моего корабля как можно быстрее. Нужно лечь для этого — лягу. Не сломаюсь.

Я опускаю хвост вниз, расслабляю его, а потом медленно присаживаюсь на корточки. Касаюсь пальцем мшистого пола, а потом опускаюсь на живот.

— Отлично, Крейн! — подбадривает меня землянка.

— Ты хотела сказать: «Отличный вид сзади, Крейн!» Так? — хмыкаю я.

Она что, свою ледышку передвинула поближе, что все видит?

И я смотрю на ящерицу и начинаю говорить тоном, которым мне моя бабушка рассказывала сказки:

— Ты только не вздумай лед на мох притащить. «Оникс» и так поврежден твоей ящерицей. Еще неизвестно, как отреагирует. Не зря ледышку к выходу поставил.

Ящерица же все равно ничего не понимает, а так хоть польза будет. Не люблю пустых слов.

Харипс издает низкий вибрирующий звук. У меня в голове мгновенно срабатывает про-файлер: предупреждение, страх и предродовая агония.

Я не ветеринар. Я читаю разумных, а не животных, но основные паттерны универсальны.

— Она говорит, чтобы ты остановился, — переводит «Оникс» приятным баритоном. — И хвост твой тоже ничего.

Я задираю голову вверх, смотрю на микросхему, словно могу оттуда увидеть совесть биомеханической машины.

— Тебе эта ящерица точно процессор повредила. Не зря ты сюда раньше самок не пускал.

А потом я замираю от осознания:

— Оникс, ты понимаешь язык харипсов?

— Мои сенсоры анализируют частоту звуковых волн и соотносят с биохимическими показателями ее организма. Точность перевода — семьдесят два процента.

— Семьдесят два, — повторяю я сквозь зубы. — Лучше, чем ничего.

— А вот скалиться не надо, — говорит «Оникс».

Я закатываю глаза. Нет, какой абсурд!

Одно хорошо: этого никто из команды не видит, иначе издевались бы надо мной до скончания вселенной.

— Крейн, что там? — Голос землянки звучит обеспокоенно. — Я не слышу ее дыхания. Она дышит?

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Это сейчас неважно.

— Важно. Я должен знать, как к тебе обращаться. Не «эй» же, верно? — отвечаю голосом тихим, спокойным, чтобы не напугать ящерицу.

А сам тихо подползаю к ней ближе.

— Софи.

Софи... Красивое имя. Мне нравится.

— А фамилия?

— Ты меня по имени и фамилии будешь называть сейчас? — возмущается она.

— Не кипятись, а то лед быстро растает. Кстати, как там рука?

— Нормально. Так как там Хари?

— Почти подобрался к ней.

— Она подпускает?

— Да. Ведь у меня тоже хвост, который тебе почему-то не нравится, — продолжаю говорить вкрадчиво.

Я уже у ящерицы. Замираю, чтобы дать ей привыкнуть ко мне.

— Если бы вокруг тебя обвивался чей-то хвост, вряд ли бы ты воспылил любовью к чужим конечностям.

— Если бы вокруг меня обвилась чья-то конечность, значит, она у него лишняя. Я бы с удовольствием его избавил от избытка, — говорю я почти нежным тоном, в моем понимании, конечно.

И протягиваю руку к Хари.

О, я ее по имени стал называть.

— Хари, тихо, тихо. Я пришел помочь. — Я кладу руку на нижнюю часть позвоночника между ее задними лапами.

Вроде Софи говорила здесь массировать.

И тут харипс резко поднимает голову и чуть не откусывает мне руку. Спасает только мгновенная реакция.

— Что там? — Софи все поняла по одним звукам. — Не подпускает?

— Я дотронулся до нее между задних лап, а она чуть не откусила мне руку, — сообщаю сухим тоном, а сам борюсь с желанием закрыть руками ее пасть, а дальше уже делать массаж.

Но ведь землянка скажет, что я издеваюсь над животным. И не дай создатель, еще ящерица от стресса лапы откинёт.

— Крейн, представь, что говоришь с тем, кого хочешь убереечь больше всего на свете. Это самый верный тон.

Я замираю, потому что в мозг тут же вторгается болезненное воспоминание. Причина, почему я был одержим прокачкой щитов до наивысшего класса.

Одновременно с этим голова взрывается болью.

Глава 9

Крейн

Первым порывом возникает желание встать и притянуть к себе Софи. Проверить, мое ли она лекарство от головной боли.

Но ей нельзя отрывать руку ото льда, а притаскивать ее в нутро «Оникса» вместе с ним — плохая идея.

— Крейн? — обеспокоенно зовет меня Софи.

Поняла, что что-то не так по тому, что я застыл?

Бездна раздери, в голову словно кривой штырь вставили и прокручивают у висков. А ведь сейчас не десять вечера! Что за подстава?

Софи

Крейн замирает. Я вижу лишь его силуэт на фоне биолюминесцентного мха, но этого достаточно. Его спина выглядит такой напряженной, словно ему на спину поставили целый корабль.

— Крейн? — зову я, и собственный голос кажется чужим из-за онемения губ.

Он не отвечает. Его хвост, который до этого хищно извивался, сейчас безжизненно лежит на мшистом полу. Я знаю этот язык тела — это поза предельного истощения. Так тело минимизирует энергетические затраты и направляет все на борьбу.

Но борьбу с чем? Хари его укусила?

— Все в порядке. — Голос Крейна звучит поставленно по-командирски, тон не допускает возражений.

Но меня не обмануть! Я работаю с животными, а гуманоидные расы быстро скатываются на более простые уровни, когда им больно. Все животное выходит наружу, в том числе и рефлекс, инстинкты и повадки.

Я слышу его прерывистое дыхание.

Он снова тянется к Хари. Его рука, способная сломать человеку шею, сейчас движется со скованностью.

Он пытается сделать ей массаж, но ящерица вдруг дергается, а Крейн убирает руку.

Что-то не так.

Крейн снова застывает, и я невольно перехожу на ментальное зрение. И вдруг я чувствую его боль.

Но как?

Я так легко проникаю под его золотые щиты, словно он человеческий младенец.

И тут Крейн резко поворачивает голову.

Неужели знает?

— Сделай это, — вдруг командным голосом говорит он.

— Что сделать? — онемевшими губами переспрашиваю я.

— То, что ты сделала, когда кричала на меня.

Похоже, он знает о моем даре. Но почему просит повторить? Он в своем уме?

— Я ничего не делала. — Я точно знаю, что нужно отрицать, а не признаваться.

— Софи, если ты не согласишься, то я не смогу помочь твоей ящерице. — Крейн говорит так, словно каждое слово произносит через боль. — А тебя сюда со льдом не пустит «Оникс». А безо льда не пушу уже я, потому что твоя действующая конечность гораздо важнее жизни этой хладнокровной, пусть и вымирающей. Ясно?

Да что с ним такое?

Хари начинает метаться с бока на бок и шипеть. Она никак не может разродиться, и это, скорее всего, из-за того, что мышцы от стресса в спазме.

А к беременным самкам лучше в ментал не лезть. Один раз я допустила ошибку, и подопечная после родов словно сошла с ума. Больше я такой опыт повторить не хочу.

Как же быть?

Я вижу, насколько напряжена шея Крейна, но никак не пойму, отчего ему больно. Он ранен? Просит воздействовать на него даром ритма, чтобы забыться?

Но тогда я послала ритм злости, а он не разозлился. Как-то на него неправильно работает моя сила.

Хари издает гортанный звук, а потом как-то обмякает. А это очень плохой знак. Она теряет силы. Если у нее не хватит сил вытолкнуть яйцо, то она может погибнуть вместе с детенышами.

А я не могу этого допустить!

— Крейн, ну что не так? — отчаянно спрашиваю я.

Он поворачивается ко мне, и его желтые глаза на секунду загораются, словно две звезды. Смотрит волком.

Не скажет. Ничего не скажет.

Ладно! Я применю свой дар, но ни за что не признаюсь в этом. Надеюсь, этот биомеханический корабль не зафиксирует мой дар, иначе мне крышка.

Теперь я пробую послать другую волну ритма — успокоения, расслабления. Удается мне это не сразу, потому что я очень волнуюсь, но все же получается.

И фигура Крейна медленно расслабляется. Контуры тела становятся менее рельефными, линии более мягкими. Он поднимает голову, и плечи мягким покатом идут вниз.

Кажется, его отпустило.

И тут он с нежностью, которой я меньше всего ожидаю от такого бугая, кладет ладонь на позвоночник харипса между задних лап, именно туда, куда я сказала.

— Я здесь не для того, чтобы навредить, — говорит он спокойно.

И я не верю своим ушам.

В его голосе звучит та самая интонация, которой я успокаиваю раненых зверей. Он словно перенял ее, хотя ни разу не слышал.

Эффект ли это дара или совпадение — не знаю. Но это работает!

Харипс всхлипывает. Низкий, вибрирующий звук разносится по нутру «Оникса», и голова самки опускается на мох.

— Получается, — выдыхаю я. — Продолжай массировать круговыми движениями. Это стимулирует яйцевод.

Он подчиняется. Глава разведки Барсы послушно массирует спину вымирающей ящерицы по указке зоолога. На секунду я даже забываю о своей немеющей руке на кубе льда, о том, что я вообще на вражеском корабле. Эта сцена настолько сюрреалистична, что пробивает даже мой цинизм.

— Хвост убери, — говорит он вдруг Хари.

Та издает короткий визг. Костяной шар на ее хвосте дергается.

— Она не понимает тебя, — говорю я.

— Зато понимает «Оникс». Он до нее донесет.

Я перевожу взгляд на потолок, где пульсируют микросхемы биомеханического корабля. У Крейна, похоже, и правда уникальное судно.

Цена вторичного использования дара нарастает. Я уже почти не чувствую руки, и тишина в моих ушах говорит о том, что слух скоро тоже пропадет. Мне жизненно необходимо закончить с Хари, пока я полностью не отключилась.

— Крейн, яйцо выходит, — говорю я, вытягивая шею. — Я вижу краешек. Оно мягкое. Тебе нужно будет его принять.

— Что? — Он на долю секунды оборачивается, и в тусклом свете я вижу расширенные желтые глаза.

Он не рад, хмур, но что поделать.

— У тебя получится. Просто подставь руки и не мешай ей. Продолжай массировать.

Крейн смотрит на меня и склоняет голову набок.

— Ты что орешь? — спрашивает он, и я его едва слышу.

Ору? Наверное, это из-за того, что у меня слух сел.

Я пожимаю плечами, и рука сваливается с куба льда. Я кое-как возвращаю ее на место, но она снова скатывается. Приходится придвинуться вплотную и навалиться корпусом на лед, чтобы рука оставалась на месте.

Хари издает долгий мучительный стон, который я больше вижу, чем слышу. Ее тело выгибается, и в руки Крейна выскальзывает скользкий, пульсирующий белесый шар — яйцо.

— Яйцо вышло. — Я едва слышу Крейна.

— Там еще одно, — припоминаю я результаты исследований.

У меня ощущение, что я говорю, а звук не идет. Но по тому, как Крейн оборачивается и снова смотрит на меня, понимаю: я снова ору.

Я никогда не применяла дар с таким коротким интервалом воздействия. И никогда — на золотых щитах класса ААА+.

— Яйцо нужно положить в теплое место.

— Я устрою такое, — отзывается едва слышно для меня «Оникс». — Я уже нашел все необходимые сведения в сети.

Я вижу, как Крейн открывает рот, как что-то говорит, но не слышу его. Такое странное ощущение. Ненавижу терять чувства.

Но по крайней мере, второе яйцо вышло, а Хари расслабилась. А это значит, что все мои страдания стоили того.

Нужно забрать Хари, яйца и себя с барсийского корабля как можно быстрее. Только вот незадача — кажется, я вот-вот потеряю сознание.

Глава 10

Софи

Я открываю глаза и вижу перед собой белоснежный потолок.

Первая мысль — я в лаборатории. Меня поймали и изучают, а через минуту войдет безликий врач с планшетом, чтобы уточнить факты моей жизни.

О да! С фантазией у меня всегда было все в порядке!

Сердце проваливается куда-то в пятки, и я резко сажусь на кровати. Голова кружится, перед глазами плывут темные круги, но я все равно спускаю ноги на холодный пол и пытаюсь встать.

Замечаю на руках датчики на липучках, срываю их и отбрасываю в сторону. Есть рядом кто-то? Слава создателю, нет!

Окидываю медицинские аппараты быстрым взглядом. Вроде ничего особенного. Сканируют жизненные показатели и ничего больше.

Но вот рядом есть пять дорогуших регенеративных капсул последнего поколения, которые я видела в новостях. И они уже стоят здесь!

Тут же мини-лаборатория для взятия образцов и несколько устройств, предназначения которых я не знаю.

Это явно не обычный кабинет медпомощи!

Первый страх проходит, и я подмечаю легкую вибрацию. Твою ж налево! Мы летим.

Колени подгибаются, и я чудом удерживаюсь за край медицинской койки. Легкие горят от частого дыхания, а к ладоням вернулась чувствительность. Никаких следов от ожога. Кожа гладкая, розовая, словно ничего не было.

Я сгибаю пальцы, и они слушаются.

Я спасала Хари от барсийцев, применила дар и получила откат. Потом применила дар снова, чтобы Крейн помог животному разродиться, и...

И вырубилась с чистой совестью, когда стала свидетелем рождения двух яиц.

Я чувствую холодный пол под босыми ступнями! Чувствую запах стерильного антисептика и легкий аромат чего-то цветочного, доносящийся откуда-то из вентиляции!

Ко мне вернулись все чувства!

Что ж, это я молодец. И судя по тому, что мои органы чувств прекрасно функционируют, провалялась я тут несколько часов.

Несколько часов, которые мы летим!

Я осматриваюсь, внимательно изучая детали. Большой размер стула, коек и капсул. Табличка над столом на незнакомом языке.

Что ж, я не заперта — и это уже хорошие новости. Но что дальше?

В каком я тут статусе? Пленной?

Я на корабле барсийцев или Крейн сдал меня кому-то другому, почувствовав мою силу?

На мне по-прежнему мой комбинезон, меня не охраняют и оставили среди дорогостоящего оборудования. А это значит, вряд ли считают опасной.

Подхожу к двери и вижу, что для выхода нужна ключ-карта или код. Или что там у этих хвостатых военных принято использовать.

Хари. Ее имя вспыхивает в сознании как сигнал тревоги. Она родила два яйца с таким трудом! Я помню, как ее тело выгнулось в последней потуге, как измученно опустилась голова на мох. А потом темнота поглотила и меня.

Что с ней сейчас? Выжила ли она? А детеныши?

От страха за свою подопечную я перехожу на ментальное зрение.

Мир вокруг меня преображается. Стены медотсека становятся прозрачными, я вижу потоки энергии, пронизывающие корабль, и разумы, пульсирующие в этих коридорах и отсеках.

Я нахожу четверых барсийцев. Их сознания острые, как лезвия, и яркие. Они сосредоточенны, напряжены, но это не похоже на враждебность. Скорее привычная им боевая готовность.

Я скольжу мимо них, потому что ищу не их.

Я ищу Крейна. И нахожу. Его разум похож на сверхновую звезду, заключенную в клетку золотых щитов. Он сияет так, что мне приходится прищурить внутреннее зрение. Его сила и мощь давят на ментальное восприятие, но я чувствую, как ритм его сознания касается моего. Это похоже на удар грома где-то вдалеке. Мощно, опасно, но невероятно притягательно.

От одного этого касания по телу бегут мурашки. Я отдергиваю свое внимание от него и ищу дальше.

И нахожу Хари. Она жива! Ее сознание спокойное, умиротворенное. В нем плещется усталость, но она не борется, не страдает. И рядом с ней я чувствую два крошечных, едва различимых биения — детеныши.

Из моей груди вырывается вздох облегчения.

Но есть кое-что еще. Я замечаю то, что не укладывается в голове: у этого корабля тоже есть разум. Не продвинутый искусственный интеллект, а нечто живое, настоящее, с пульсирующим сознанием, похожим на ритм огромного спящего зверя. «Оникс».

В прошлые разы, когда я переходила на ментальное зрение, я его не видела.

Это осознание бьет меня, словно разряд тока. Я чувствую его любопытство, осторожное внимание, направленное на меня. Он наблюдает за мной так же, как я наблюдаю за ним.

Похоже, он решил показаться мне. И то, что он может прятаться, говорит о том, что он совершенно уникальный по своей структуре.

Но у меня нет времени анализировать это прямо сейчас. Мне нужно выбраться.

Я фокусируюсь на «Ониксе», мысленно направляя ему просьбу — мягкую, лишённую агрессии, но настойчивую. Представляю, как дверь медотсека открывается, как волна ритма касается биомеханического сознания корабля. Мой дар откликается с готовностью, словно только и ждал этого момента.

Дверь шипит и отъезжает в сторону.

Я замираю на мгновение, не веря, что это сработало. Но вот он, коридор. Свободный и манящий.

— Спасибо, Оникс, — шепчу я, и мне кажется, что чувствую его теплый отклик где-то на границе сознания.

Крадусь по коридору, стараясь оставаться незамеченной. В прошлый раз я плохо запомнила путь, но сейчас мое ментальное зрение ведет меня быстрее, чем память. Выбираю маршрут к нутру «Оникса». Туда, где, я уверена, находится Хари.

Иду быстро, сердце колотится в груди от страха быть пойманной. Каждый шаг босых ног по теплomu, слегка пульсирующему полу отдается эхом в тишине корабля.

И вдруг атмосфера на корабле меняется.

Я чувствую это кожей, ментальным зрением, всеми вернувшимися ко мне чувствами. Разумы барсийцев вспыхивают тревогой. Их сознания мечутся, как разъяренные осы. По кораблю проносится волна напряжения, и я слышу тяжелые быстрые шаги в отдалении.

Кто-то бежит по коридору. Кто-то громко переговаривается на барсийском.

Они поняли, что меня нет в медотсеке.

Они меня ищут!

Я ускоряю шаг, почти бегу в сторону спасительной темноты нутра «Оникса». Передо мной вырастает стена, но она тут же исчезает, стоит мне мысленно попросить об этом корабль. Он пропускает меня, словно я здесь долгожданный гость.

Нырять в мягкий полумрак, наполненный запахом мха, влажной земли и едва уловимым озоновым ароматом живых микросхем. Здесь тепло и удивительно спокойно.

Хари лежит в том же месте, но теперь ее тело расслабленно, а бока мерно вздымаются и опускаются в спокойном дыхании. Она спит.

Я оглядываюсь и замечаю рядом с ней углубление во мху — аккуратное, теплое, явно созданное «Ониксом». Там, укрытые мягкой зеленой подстилкой, лежат два яйца. Они целые, теплые и пульсируют жизнью.

— Умница, Хари! — Я опускаюсь на колени рядом с ней, и из глаз невольно текут слезы облегчения. — Ты справилась... Какая же ты молодец!

Протягиваю руку, чтобы погладить ее теплую чешую, но тут за спиной раздается шум. Твердые и уверенные шаги.

«Оникс» не стал преграждать ему путь, потому что через мгновение я чувствую его присутствие.

Крейн.

Я оборачиваюсь, все еще стоя на коленях перед ящерицей, и смотрю на него снизу вверх. Его глаза горят желтым пламенем, и я не могу разобрать, чего в них больше — злости, страха или облегчения. Его хвост хлестко бьет по воздуху, а сам он застыл в проходе, заполняя собой все пространство.

— Как у тебя получилось выйти из медотсека? — Его низкий рычащий голос разносится эхом по нутру корабля.

Но я слышу, как за этим рыком прячется что-то еще. Изумление. Восхищение. И дикое, какое-то голодное собственническое чувство.

Глава 11

— Я... — начинаю я и замолкаю.

Что я ему скажу? Что корабль — живой разумный организм и я попросила его по-дружески? Или что я ментально пробила его защиту, сама того не желая?

— Софи, — он делает шаг ко мне, и в этом движении столько силы и решимости, что у меня захватывает дух, — я задал вопрос.

Его хвост обвивает мою талию, словно только этого и ждал. Но в этот раз это меня уже не пугает.

Он приподнимает меня с колен, мягко, но настойчиво ставит на ноги и притягивает к себе.

Эй, это как-то близко! Слишком близко.

Я чувствую тепло его тела, запах его кожи и это странное, ни с чем не сравнимое чувство защищенности, которое исходит от него.

Еще бы! С таким рядом можно и самых свирепых хищников не бояться! Ему в лесах Ригерии цены бы не было. Я бы тогда точно смогла хаорфага изучить и не бояться, что он разорвет меня на куски.

Я стою в кольце его хвоста, прижатая к его твердой, как скала, груди, и понимаю: не хочу врать. Но и правду сказать не могу. По крайней мере, не всю.

— Дверь открылась сама, — шепчу я, глядя ему прямо в глаза.

Ни один мускул не дергается на его лице. Он продолжает сверлить меня взглядом, и я чувствую, как его хвост сжимается еще чуть крепче. Не больно, а скорее так, словно он боится, что я исчезну.

— Ты самая опасная женщина, которую я когда-либо встречал, — произносит он медленно, и его голос вибрирует в моей груди.

Он что-то понял о моем даре? Только этого не хватало!

— Я? — нервно смеюсь я. — Хэх, да ты, видимо, совсем женщин не видел. Я очень даже миролюбива. За мир во всем мире и за рождение новой жизни.

Кивком показываю в сторону Хари и вижу, как дергается уголок его губ в подобии улыбки. Вижу, как его глаза скользят по моему лицу — к волосам, к губам, снова к глазам. Он изучает меня, как я — животное, которое долго выслеживала и наконец нашла.

Он наклоняется ниже, и его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствую его дыхание на своей коже. Мое сердце замирает, а потом пускается в бешеный галоп.

— Больше никогда так не делай, — говорит он тихо, и в его голосе звучит сталь. — Никогда не исчезай, не предупредив меня.

— Я не исчезала, — бормочу я, но мой голос предательски дрожит. — Я пошла проверять Хари.

— Что случилось до твоей потери сознания? — Крейн прожигает меня взглядом. — Ты не чувствовала боли от ожога. Ты проникла сквозь ментальные щиты класса ААА+. И ты только что вышла из запертого медотсека без ключ-карты. И после всего этого ты говоришь мне, что просто пошла проверять ящерицу?

— Харипса, — поправляю я твердо.

В его глазах вспыхивает смесь ярости и интереса.

— Ты невозможная женщина, — выдыхает он и вдруг добавляет: — И вкусно пахнешь. Чего? Вкусно пахну?

— Надеюсь, это не гастрономический интерес, — тихо бурчу я себе под нос.

— Совсем не гастрономический, — говорит Крейн низким голосом с вибрирующими нотками.

Что-то я уже передумала. Лучше бы гастрономический, чем тот, который мне сейчас кажется.

Я кладу руки на хвост и пытаюсь отодвинуть его:

— Похоже, мы куда-то летим.

— На Шанти.

— Вам нужно было меня разбудить до взлета. Моя клетка для Хари осталась в грузовом отсеке космопорта Фьюри, а билеты пропали. Но даже это исправимо, в отличие от того, что нас ждут в питомнике на Лагроде через четыре дня.

Стоп. А сколько времени прошло?

— Или уже меньше, — добавляю я. — Сколько я проспала?

— Восемнадцать часов.

Восемнадцать часов?

— Тогда осталось три дня.

— И что будет, если ты не успеешь вовремя?

— Территорию отдадут другому животному, — говорю я нехотя.

Звучит так себе, знаю, но это правда.

— Как это? — уточняет Крейн.

Я больше всего не хочу отвечать на этот вопрос.

— А вот так. — Я смотрю куда угодно, но не в его лицо. — Они не особо поверили, что я смогу поймать харипса.

— Почему в тебе сомневаются?

— Не во мне. Харипсы стали вымирающим видом не просто так. В дикой природе их яйца стали съедать новые хищники, которые расширили свой ареал обитания. Из-за чего харипсы стали очень скрытными. Никому еще не удавалось поймать ни единой особи.

— Значит, то, что она была беременна, — огромная удача для миров.

— Именно! А уж если вспомнить, как Хари испугалась вас — пятерых хвостатых барсильцев, — она счастливица, что выжила в таких условиях.

Я снова пытаюсь избавиться себя от обхвата хвоста, но тот лишь сильнее сжимается.

Ага, ставлю пометку: разговором не отвлечь. Как же мне избавиться от этой хватки?

Крейн поворачивает голову и смотрит на мирно спящую самку:

— По-моему, ящерице и яйцам тут прекрасно. Оникс, что скажешь?

«Оникс» отзывается:

— Самка чувствует себя удовлетворительно. Восстанавливается после родов, а я обеспечиваю ей сбалансированный рацион, выращивая нужные травы и составляя высокобелковое меню. Яйца погружены в среду с оптимальной температурой и получают достаточно кислорода благодаря циркуляции воздуха.

Крейн поднимает брови, как бы говоря: «А! Слышала?»

— Какой питомник сможет обеспечить лучшие условия для ящерицы? — спрашивает он с уверенной усмешкой.

А я что-то не пойму, на что он намекает.

— Хочешь оставить Хари с яйцами у себя?

Крейн смотрит на меня своими желтыми глазами и не моргает, словно зависает, а потом кивает:

— Да. У нас есть срочные дела. Сохранность вида мы обеспечиваем, опытный зоолог у нас имеется в штате, так что продолжаем свой путь.

Я не верю своим ушам:

— Ты же это не серьезно?

Я не собиралась летать и следить за одной Хари. У меня еще полно животных, которые во мне нуждаются. И все они на разных планетах.

Да, Хари вымирающий вид, но я должна передать ее в место, где о ней позаботятся. А я хочу отправиться дальше, а не застревать с одним животным, как бы я хорошо к нему ни относилась.

Что ж... Если подумать, вполне объяснимо, почему Крейн хочет оставить меня рядом с собой под любым предлогом.

Я вторглась в его щиты, и он хочет разобраться, насколько я опасна.

А это значит одно: мне нужно делать ноги от этого хищника, потому что иначе я стану почти вымершим видом.

Глава 12

Крейн

За пять минут до побега Софи из медотсека

— Глава, нас ждет смертельный бой? — спрашивает Ирдок, самый молодой из команды.

— На Шанти? С чего ты взял?

— Нет, здесь, на корабле. Вы же из боевой формы не выходите. Последний раз такое было, когда мы на Ирфи попали в засаду и нас завалило в шахте на неделю, а из всех щелей на нас лезли трактиситы.

Я и сам не могу понять, почему застрял в полуобороте. Не совсем боевая форма — она у меня в несколько раз мощнее, но хвост не хочет убраться.

И это меня порядком нервирует, потому что я прекрасно контролирую себя. Могу на части разобрать каждую эмоцию — почему возникла, какие гормоны спровоцировали и как она проявляется у данного типа характера.

Но не могу заставить свой хвост убраться. Это провал.

У меня есть на это одно объяснение: вторжение через щиты считается угрозой, но обезболивание приносит невероятное облегчение. В итоге тело на всякий случай держит хвост для боя, потому что эта землянка невероятно опасна, но и она же дает моей голове отдохнуть, поэтому этот же хвостяра постоянно хочет ее удержать.

Хорошо хоть тело не сильно больше стало, как бывает в боевой форме, а то было бы не очень удобно сидеть в рабочем кресле.

Но все это я не могу сказать Ирдоку. Для команды я авторитет. Поэтому я просто смотрю ему в глаза и говорю:

— Так надо.

Блойд подходит ко мне и говорит на ухо:

— Что-то мне подсказывает, что это из-за земляночки, которая сейчас дрыхнет в медотсеке.

Его мысль тут же подхватывает Энди:

— Я тоже так подумал. «Оникс» и глава допустили к себе женщину. Это что-то да значит!

Ирдок тут же чуть не подпрыгивает:

— Точно! А правда, что, если йера барсийца в опасности, мы автоматом переходим в боевую форму и только йера может из нее вывести?

— Ты что, думаешь, наш глава принял землянку за йеру и защищал ее от ящерицы, к которой она так стремилась? — громко предполагает Энди, и капитанская рубка взрывается хохотом.

Я усмехаюсь, а потом быстро прекращаю гвалт одним только взглядом.

Йера! Какие глупости.

Идеальная мечта для барсийца. Женщина, что подходит идеально по всем параметрам. Ограничение от самой матушки-природы во всех смыслах.

Раз — и классный парень сходит с ума.

Видел я генералов, которые могли подставить планету ради своей йеры. Наблюдал, как величайшие мужчины Барсы растапывали свои достижения ради йеры и переезжали к ней на планету.

Это же страшная зараза! Куда страшнее любви — вспышки гормонов, которые возникают ради того, чтобы мы оставили потомство.

И тут на комм приходит оповещение: дверь медотсека открылась.

Я встаю, и кресло с грохотом отъезжает назад.

— Оникс, что с медотсеком?

— Дверь открыта. Софи покинула помещение.

Софи? Он ее называет по имени?

— Как она вышла? Дверь была заблокирована.

«Оникс» вдруг переводит тему:

— Глава, я нашел поломку. Провожу обновление одной из систем.

— Эй! — чуть не рычу я. — Почему у меня ощущение, что ты увливаешь от прямого ответа?

В рубке воцаряется тишина. Четверо моих ребят смотрят на динамики, потом на меня, потом снова на динамики.

«Оникс» сошел с ума! Не зря не пускал самок на борт. Наверное, это какой-то баг в системном обеспечении, и он нутром чуял: нельзя пускать женщин.

Блойд многозначительно смотрит на остальных, но, как только ловит мой взгляд, тут же опускает глаза в пол.

— Глава, прикажете искать землянку?

Ну уж нет.

— Я сам ее найду.

Вылетаю из рубки и начинаю методично проверять помещение за помещением. Периодически обращаюсь к кораблю, но он «перегружается».

Наглая ложь! «Оникс» может позволить себе такую перезагрузку только на Барсе в ангаре номер восемь, когда знает, что в полнейшей безопасности.

— Оникс, я больше не буду заказывать для тебя бананы с Земли, если ты сейчас же не придешь в себя. Быстро отзовись!

— Да, глава?

Ага! Подпытываться банановыми шкурками «Оникс» любит больше всего на свете. А я знаю, чем его брать.

— Оникс, проверь все камеры и доложи, где Софи.

— Камеры ее не фиксируют, — отзывается корабль.

Я притормаживаю. Камер нет только в каютах.

Я тут же мысленно перечисляю в уме ребят, которые попались мне на глаза и точно не в каютах.

Неужели один из них выпустил ее, а «Оникс», из-за поломки, прикрывает?

Черная пелена на миг застилает зрение, и я останавливаюсь. Оцениваю свои чувства и понимаю: я в бешеной ярости.

Но отчего? Она не испарится с корабля. Тогда что так вывело меня из себя?

Отматываю назад все свои мысли и отслеживаю вспышку злости на моменте с каютами и поиском, кто из ребят мог выпустить землянку и спрятать у себя.

Вот оно!

Я что, злюсь, что у меня кто-то украдет обезбол? Интересно!

Но меня правда всего колошматит от желания выбить все двери в каюты. И я, как дурак, прохожу по кораблю, фиксируя тех ребят, кого вижу. Одного не хватает — Джереми.

А он нравится женщинам. И почему эта мысль пришла в мою голову?

Но я ничего не могу с собой поделать — уже стою у каюты Джереми и нажимаю на кнопку оповещения. Сонный парень открывает мне дверь.

— Да, глава? — спрашивает он.

А ведь он только с миссии, отсыпается после трех суток бодрствования на Фьюри. Он Софи даже в глаза не должен был видеть.

Но я все равно заглядываю за его плечо, чтобы точно убедиться — ее нет у него в каюте.

— Анатоксин уколол? — спрашиваю я.

Банальная процедура от фьюрского кока, которую делают после пребывания на Фьюри все барсийцы. Конечно, он ее сделал, если не хочет неделю лежать пластом.

— Конечно, глава, — удивленно отвечает Джереми.

— Молодец. — Я разворачиваюсь и ухожу.

Ну что, черная дыра? Эта женщина не только «Ониксу» систему сломала, но и мне. Что я себя веду как пубертатный щенок?

Соберись, Крейн! Иначе подавай на хрен в отставку с поста главы разведки Барсы.

Давай, думай! Думай!

— Оникс, — зову я, — отследить путь Софи, начиная от медотсека.

«Оникс» не может ослушаться — методично перечисляет помещения, по которым она проходила. Уж больно он любит банановые шкурки. И знает, что если уж я приму решение, то он до конца своих или моих дней их не увидит.

Я бегу по ее пути, который нехотя называет «Оникс». Сапоги стучат по металлическому полу, хвост вытянут назад для баланса. Проскакиваю поворот, другой.

И тут я понимаю, куда она направилась так, словно наизусть знала строение корабля.

— Она опять у тебя в нутре? — спрашиваю я.

Вариантов, как она так точно туда попала, только два: либо она шпионка, либо «Оникс» сам ее туда провел.

— Гордитесь, глава, — вдруг говорит «Оникс». — Она в сердцевине корабля.

— Я не горжусь, Оникс. Я в бешенстве.

А я редко бываю таким.

Эта женщина сбежала из запертого медотсека, бродит по моему кораблю, а «Оникс» не только не блокирует ей проходы, но еще и поддерживает и шутит.

— Почему ты не предупредил меня сразу, как она покинула медотсек? Да что с тобой?

Всегда безупречный корабль, который только усиливал меня. И что теперь?

— Я не счел ситуацию критической, — отвечает «Оникс».

Ящерица и женщина точно повредили ему процессор!

— Она гражданская на военном корабле! Это критично по умолчанию!

— Лицо, спасшее вымирающий вид, не может быть угрозой. Это аксиома.

Я скрежещу зубами. «Оникс» из боевой единицы превратился в философа. Это точно какой-то биологический вирус.

И все больше я склоняюсь к мысли, что эта вымирающая ящерица не просто так у нас оказалась.

Хвост хлещет по стенам, оставляя вмятины. «Оникс» возмущенно гудит, но я не обращаю внимания.

— Глава, твоя агрессия негативно сказывается на микроклимате корабля.

— Переживешь.

И вот я у стены, за которой прячется нутро «Оникса».

— Открывай, Оникс, иначе я за себя не отвечаю.

Глава 13

Я врываюсь в нутро на адреналине. Во мне все клокочет от ярости, замешанной на непонятном, иррациональном страхе.

Я готов к чему угодно — к засаде, к бунту взломанного «Оникса», к нападению этой проклятой ящерицы. Мой хвост все еще в боевой форме и хлещет по воздуху. У меня ощущение, что я потерял контроль над ним где-то между медотсеком и этим сектором.

Я ожидаю увидеть аномалию, угрозу, шпионку, которая ловко обвела вокруг пальца и меня, и «Оникса». А вижу то, что заставляет меня застыть.

Софи стоит на коленях спиной ко мне перед спящей Хари и двумя яйцами в моховом гнезде. Аварийное освещение мягко очерчивает ее силуэт.

Она не ломает микросхемы, не выискивает секретные данные, а гладит чешую этой ящерицы и что-то тихо шепчет.

У меня на секунду перехватывает дыхание. Профайлер во мне судорожно ищет категорию «шпионка-зоолог», но не находит ничего похожего. Софи выглядит как святая защитница с какой-то древней фрески. Она полностью погружена в свое дело, и, хоть я застаю ее врасплох, она скорее растеряна, чем испугана.

И в этот момент мой боевой хвост предает меня снова. Вместо того чтобы угрожающе взметнуться, он мягко и крепко обвивает ее талию и притягивает ко мне, словно она моя потерянная собственность.

Софи вскрикивает от неожиданности, я же в бешенстве на хвост. Я отдаю мысленный приказ: «Отпусти!» — но хвост сжимается крепче.

Тепло ее тела мне нравится настолько, что мой собственный организм устроил государственный переворот.

Я расспрашиваю, как она сбежала, и мой голос звучит глухо, по-звериному. Я хочу звучать угрожающе, но вместо этого слышу в нем низкие вибрации.

А барсийцы издают их в двух случаях — в бою и для соблазнения. И мне не нравится ни один из этих вариантов, потому что глава разведки не вибрирует, ордекс раздери! Потому что я выше эмоций. Выше!

Но я смотрю в ее карие глаза, и все мои навыки и опыт летят в черную дыру. В ее лице я вижу не ложь, а единственную правду, которую я когда-либо видел. И это бесит еще больше.

Я хочу устроить допрос, разобрать ее на атомы и найти несостыковки в ее словах. Но мои руки уже живут своей жизнью.

Замечаю, что вместо того, чтобы держать ее за плечи, я уже держу ее запястья и осматриваю ладони, которые были обожжены. И с удовольствием провожу по гладкой коже, радуясь, что она зажила после восстанавливающей мази.

«Ты не чувствовала боли?» — хочу рывкнуть я, но голос дает сбой.

Касаюсь ее волос, потому что иначе не смогу думать ни о чем другом. Жадно вдыхаю ее запах, потому что иначе сделаю что похуже.

И понимаю: сбрендил. Окончательно и бесповоротно.

Даже если она шпионка, ее нельзя оставлять рядом. У меня тьма дел и нет времени даже на восьмичасовой сон. Я не могу позволить себе ей увлечься.

Нужно отослать ее прочь, подавить эмоции и снова стать собой.

Но она упирается ладонями мне в грудь, пытаясь отодвинуться, и ее прикосновение пробивает те крохи самоконтроля, что остались. Профайлер отключается окончательно.

— Ты самая опасная женщина в галактике, — говорю я.

Словно выношу приговор не ей, а себе.

Она нервно смеется, говоря про мир во всем мире и рождение новой жизни. И вот тут случается самое страшное — она лучезарно улыбается, а мне словно под дых дают.

Пытаюсь переключить разговор на логику, на Хари, чтобы вернуть контроль. Перевожу тему на то, что мы летим на Шанти, что питомник подождет. Но чем больше она говорит, что ей нужно улететь и что она не останется на корабле, тем сильнее сжимается мой хвост.

Он — предатель и сигнальная система в одном флаконе. Он не слушается моего разума. Он слушается моего инстинкта, который орет: «Не отпускай ее! Без нее боль снова будет тебя убивать».

Я делаю вид, что все под контролем, но внутри меня крошатся камни. Софи словно не замечает этого, настаивает на отъезде, и я быстро записываю ее в штат зоологом.

Черная дыра! Да я готов летать вместе с ящерицей и ее яйцами, если Софи останется. Но что-то она не больно довольна моим щедрым предложением.

И тут, на пике этого нелепого, абсурдного противостояния, когда она чуть ли не шипит на меня, а я рычу в ответ, пытаюсь удержать и хвост, и лицо, меня пронзает боль.

Да еще какая!

Адская, прожигающая в мозгах дыры боль.

Мои золотые щиты, взбешенные недавним прорывом и стрессом, начинают сжиматься, вбивая в череп сотню раскаленных штырей.

Я сгибаюсь пополам. Хватка хвоста слабеет, когда я хватаюсь за голову.

Не могу сдержать гримасу боли. Она видит меня таким, и это бьет по гордости еще сильнее.

Сейчас она развернется и уйдет.

Или атакует.

Или просто фыркнет, и это будет хуже удара.

Но с ее стороны не доносится ни звука, ни шороха. Я бросаю на нее взгляд исподлобья и вижу, что она замерла с широко открытыми глазами. Вижу, что она понимает: мне больно.

И тут ее взгляд начинает бегать, словно она не может на что-то решиться. И я четко отслеживаю момент, когда она принимает решение ничего не делать.

Значит, снятие моей боли ей подвластно и она делает это осознанно. И сейчас не хочет мне помогать.

От этой мысли меня накрывает такой волной боли, что я на миг теряю ориентацию в пространстве. В проблеске сознания понимаю, что стою на коленях и вжимаюсь лбом в живот Софи, а мой хвост снова обвил ее талию.

— Убери боль, — рычу я.

Чувствую, что хвост сжимает ее крепче. А что, если раздавлю? Только не это!

Но я сейчас себя даже во время вспышки сознания не контролирую!

— Нет, — возражает она, но я слышу в голосе сомнение.

— Да! — рычу я, и хвост сжимает ее еще сильнее.

Я приказываю ему отпустить, но мозг так пробуравливает боль, что это просто бесполезно.

— Я помогу, если ты обещаешь отпустить меня на Шанти, — сквозь пелену боли слышу голос Софи.

— Обещаю, — рычу я.

И тут же чувствую, как через мои золотые щиты AAA+ легко проходит ее волна.

Глава 14

Софи

Хвост Крейна медленно ослабляет хватку, и я наконец-то могу вдохнуть полной грудью.

Моя волна успокаивающего ритма словно смывает напряжение, сковывающее тело барсийца. Я слышу, как тяжелое и рваное дыхание становится более равномерным и глубоким. Вижу, как разжимаются его плотно сжатые челюсти.

Крейн низко и утробно выдыхает, и от этого звука у меня мурашки по коже. Он все еще стоит на коленях, прислонив лоб к моему животу.

Я медленно кладу руки на его мощные плечи и отталкиваю его от себя. Точнее, пытаюсь оттолкнуть.

Он поднимает голову, и желтые глаза встречаются с моими. Я замираю.

В них больше нет боли. Нет той замутненной пелены, которая заставляла его скалиться и рычать. Теперь они ярко и хищно горят звериным голодом.

Эй! Мы так не договаривались!

Так смотрит зверь, который только что понял, что добыча прямо перед ним.

Я открываю рот, чтобы потребовать свободу и напомнить об обещании, но не могу издать ни звука. Пытаюсь выкрикнуть его имя — и снова беззвучно открываю и закрываю рот.

Такого отката со мной еще не бывало! Я никогда не теряла голоса.

О нет.

Я стараюсь не нервничать и пробую снова. Губы шевелятся, язык двигается, голосовые связки напрягаются, а из горла выходит только воздух.

Холодный ужас прокатывается по позвоночнику. Я теряю осязание, чувствительность, обоняние и вкус. Два раза пропадал слух. Но голос? Никогда!

Это что-то новое и пугающее до дрожи в коленях.

Что, если я так и останусь без голоса?

Тем временем Крейн поднимается на ноги плавным движением хищника. У меня перехватывает дыхание, когда его хвост скользит по моей талии, но так и не отпускает.

Крейн нависает надо мной, закрывая широкими плечами почти все. Заполняя собой мое пространство так, что я чувствую себя земным крольчонком перед волком.

Я не могу отвести от него взгляда. Не могу сказать: «Отойди». Не могу даже прошептать, как Хари, когда ей не нравится чужое присутствие.

Могу оттолкнуть, махнуть, хлопнуть в ладоши, но ни один серьезный хищник, о котором я знаю, не отнесется хорошо к такому выводу. А барсиец — определенно опасный экземпляр.

Что же делать? Вдруг я его своим ритмом как-то замкнула?

Я показываю пальцем на свое горло и снова открываю и закрываю рот. Надеюсь, в культуре барсийцев это не значит что-нибудь опасное для меня.

Крейн заинтересованно склоняет голову набок.

— Это твой способ завести беседу? — В его желтых глазах вспыхивают опасные огоньки. — Жестами? Должен признать, действует безотказно.

Что? Нет! Я не пытаюсь завести беседу!

Я снова мотаю головой, только куда активней и отчаянней. Показываю руками, что не могу говорить, но он лишь усмехается. Его хвост сжимается чуть крепче, притягивая меня к себе, пока наши тела не соприкасаются.

— Ты даже не представляешь, что со мной делаешь, — говорит Крейн тихо, и его дыхание касается моих волос.

Его рука медленно поднимается к моему подбородку, и я максимально отстраняюсь. Но много ли я могу, когда прижата к нему его же хвостом?

Его пальцы неожиданно нежно касаются меня. Он бережно поворачивает мое лицо к свету и долго всматривается, будто ищет ответы в моих глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.